Социальное восприятие межнациональных отношений в Москве: между толерантностью и запросом на ограничения

Громова Дарья Алексеевна
старший научный сотрудник отдела стратегических исследований, Научно-исследовательский институт социальных систем, i@dgromova.ru

Лаба Любляна Ярославовна
кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела изучения государственных институтов, Научно-исследовательский институт социальных систем, laba78@internet.ru

В статье анализируется структурная амбивалентность общественного мнения москвичей в отношении межнациональных отношений и трудовой миграции. Показано, что Москва представляет собой аномалию относительно европейского «столичного правила» толерантности, что обусловлено концентрацией миграционной нагрузки и спецификой медийного фреймирования. Особое внимание уделено влиянию теракта в «Крокус Сити Холле» (март 2024 г.) на динамику ксенофобских настроений и законодательную волну 2024–2025 гг.
Ключевые слова: межнациональные отношения, Москва, толерантность, ксенофобия, миграция, амбивалентность установок, контактная гипотеза, социальная идентичность, миграционная политика, Крокус Сити Холл.

Москва как столичный мегаполис концентрирует 52% иностранных работников России, что делает её ключевой площадкой для изучения амбивалентности межнациональных установок. Парадокс: 74% москвичей не испытывают неприязни к мигрантам, но 63% поддерживают ограничения въезда [табл. 5]. Этот паттерн усилен после теракта в «Крокус Сити Холле» (март 2024) и законодательной волны 2024–2025 гг. (21 закон Госдумы) [1; 5].

Западные концепции толерантности и межгрупповых отношений

В работе М. Уолцера («On Toleration», 1997) пять режимов толерантности, среди которых для России релевантны имперская модель (терпимость к автономным группам, а не индивидам) и иммигрантское общество (фокус на персональном выборе) [6]. Ключевой тезис: толерантность делает различия возможными, а различия — её необходимой. Континуум установок тянется от смирения ради мира через безразличие и признание прав к одобрению различий. Постсоветский транзит усиливает напряжение между имперской и ассимиляционной моделями. Конституционный патриотизм Ю. Хабермаса близок идее «гражданской нации» В.А. Тишкова. [7]. Типология У. Кимлики («Multicultural Citizenship», 1995), разграничивающая национальные меньшинства (право на самоуправление, релевантно для Татарстана или Чечни) и полиэтнические группы (право на культурные аккомодации, релевантно для трудовых мигрантов), принципиально важна для понимания дифференциации правовых статусов и запросов групп в РФ [8].

Теории ксенофобии и предубеждений

Г. Олпорт («The Nature of Prejudice», 1954) сформулировал контактную гипотезу: предубеждение снижается при контакте равного статуса между группами большинства и меньшинства при общих целях, кооперации и институциональной поддержке. Четыре условия: равный статус, суперординатные цели, сотрудничество без конкуренции, поддержка властей. Г. Олпорт описал шкалу предубеждений: от антилокуции через избегание, дискриминацию к нападению и экстерминации. [9].

Метаанализ Петтигрю и Тропп (2006; 515 исследований, >250 тыс. участников) подтвердил эффект ($r=-0.215$; в экспериментах $r=-0.336$): 94% выборок показали обратную связь. Условия Г. Олпорта — облегчающие, но не обязательные [10]. Для Москвы это означает, что конкурентный контакт (на рынках) усиливает неприязнь, тогда как кооперативный (в профессиональной среде) — способствует интеграции.

Дополняет анализ теория реалистического группового конфликта М. Шерифа, объясняющая враждебность конкуренцией за ресурсы [11]. Л. Куиллиан (1995) подтвердил: предубеждения растут при высокой миграции и спаде. В Москве мигранты (до 50% в строительстве/ЖКХ) обостряют низкоквалифицированные сектора [2].

Теория социальной идентичности А. Тэджфела и Дж. Тёрнера порождает ингрупповой фаворизм через категоризацию, идентификацию и сравнение (даже произвольно). Суперординатная «российская идентичность» снижает предрассудки [12].

Российская этносоциология: ключевые концепции

Л.М. Дробижева обосновала, что сильная гражданская (российская) идентичность ослабляет этнический негати-

визм, подразумевая отождествление с гражданами, государством и территорией [13; 14]. По её данным, она выросла до 75–84% россиян, став доминирующей на основе государственности; совместима с этнической при негиперболизации. Её мониторинг выявляет ресурсы согласия и риски от миграции. В.А. Тишков развил концепцию «российской нации» как полиэтнической гражданской общности («нация наций»), отметив переход от советской ностальгии к общероссийской солидарности [15; 16]. Э.А. Паин описал волновую (циклическую) ксенофобию, связанную с кризисами модернизации, и «имперский синдром». С С.Ю. Федюниным он обосновал интеркультурализм (общие гражданские интересы против мультикультурализма и гетто) [17; 18]. В.И. Мукомель разграничил этнофобии и мигрантофобии, а также выявил типологию групп по уровню толерантности. Его вывод о том, что ядро интолерантности составляют лица с низким человеческим и социальным капиталом, а «колеблющиеся» (около 78%) формируют основную динамику отношений, критически важно для анализа общественного мнения [19; 20]. В.С. Малахов критикует нациоцентризм, приоритизируя классовые категории над этническими; границы конституируют сообщества [21].

Концепция амбивалентности. М.Э. Рябова связывает её с русской бинарностью (Ахиезер); латентный анализ выявил «сильных амбивалентов». Э. Линдстам и др. (2021) показали структурную амбивалентность (36–42% немцев): этнокультурные и гражданские нормы конфликтуют, усиливая чувствительность к фреймингу [23]. Для России, где доля «колеблющихся» максимальна (78,4%, по Мукомелю), этот подход объясняет, как риторика СМИ и политиков актуализирует либо ксенофобные, либо толерантные установки, определяя траекторию межнациональных отношений.

Эмпирическая база: динамика межнациональных установок 2015–2025

Общероссийские данные: ВЦИОМ, Левада-Центр, ФОМ

По данным телефонного опроса ВЦИОМ от июля 2024 г. (N=1600), 60% россиян считают многонациональность России преимуществом, 79% оценивают межнациональные отношения в месте проживания позитивно (30% «дружественно», 49% «спокойно, бесконфликтно»), 81% не испытывают тревоги или страха по отношению к людям другой национальности [24]. Эти данные корреспондируют с результатами ФОМ: 58% россиян считают многонациональный состав полезным, 73% выступают за равные права всех национальностей [25]. Однако Москва и Санкт-Петербург представляют зону максимального скептицизма: 36% жителей мегаполисов дают негативные оценки межнациональным отношениям (против 17% по стране в целом).

Левада-Центр (признан иноагентом на территории России) ведёт лонгитюдный мониторинг ксенофобии с 2002 г. По данным апрельского опроса 2024 г. (N=1603), 62% россиян называют хотя бы одну этническую группу, чьё проживание хотели бы ограничить — снижение с 71% в 2019 г. и вблизи исторического минимума 55% в 2017 г. При этом 34% заявили об отсутствии необходимости каких-либо ограничений — максимум за всю историю наблюдений с 2004 г. Доля тех, кто «редко или никогда» испытывает враждебность, достигла 89% — минимальный уровень враждебности с 2002 г. [3]. Вместе с тем апрельский опрос 2025 г. (N=1617) зафиксировал усиление негативных установок: 66% полагают, что мигранты повышают преступность; 56% считают, что мигранты отнимают рабочие места; 52% согласны с тем, что мигранты «разрушают» русскую культуру (рост на 13 п.п. с 2016 г.); 70% требуют от государства ограничить приток приезжих; 68% выступают за выдворение нелегальных мигрантов [4].

Налицо парадокс: снижение декларируемой личной враждебности сопровождается ростом поддержки рестриктивных мер.

Московский кейс: результаты исследования

Особый интерес представляют результаты мониторингового социологического исследования межнациональных отношений непосредственно в Москве, позволяющие верифицировать общероссийские данные на столичном уровне. Социологическое исследование проводилось Научно-исследовательским институтом социальных систем при финансовой поддержке Департамента СМИ и рекламы города Москвы (грант № 10-ДС/25 от 23.12.2024). В период с 2022 по 2025 год опрос проводился ежегодно дважды в год. Каждая волна включала телефонный опрос 5000 москвичей в возрасте 18 лет и старше, постоянно проживающих в городе и репрезентативно представляющих население Москвы по полу, возрасту и административному округу проживания. Статистическая погрешность составляет ±1,4% при выборке n=5000 и доверительном интервале 95%. Результаты исследования представлены в таблицах 1–7.

Оценка межнациональных отношений в городе и районе проживания

Большинство москвичей (57%) оценило состояние межнациональных отношений в Москве в целом положительно. При этом 37% характеризуют ситуацию отрицательно. На уровне района проживания оценки заметно позитивнее: 65% оценили ситуацию положительно, 29% — отрицательно. Разница в 8 п.п. отражает эффект «терпимости к ближнему кругу», когда личный опыт оценивается выше абстрактной общей ситуации – это соответствует классическому разрыву между персональными и коллективными оценками в политической психологии (табл. 1).

Динамика показывает ухудшение: с 2022 по 2025 г. доля позитивных оценок Москвы в целом снизилась с 71% до 57% на фоне роста отрицательных с 24% до 37%. В районах тренд аналогичен: позитивные с 78% до 65%, отрицательные с 17% до 29%. Это может отражать накопительный эффект миграционного давления и медийного фрейминга, усиливающий общую тревожность при сохранении локальной терпимости.

Таблица 1

Динамика оценки состояния межнациональных отношений в Москве в целом и в районе проживания (тренд), %

Год	Москва (положит./отриц.)	Район (положит./отриц.)
2025	57/37	65/29
2024	60/35	68/26
2023	67/28	74/21
2022	71/24	78/17

Личный опыт конфликтов и оценка их вероятности

Две трети москвичей (68%) за последний год не наблюдали лично межнациональных конфликтов в районе проживания, 31% — наблюдали (таблица 2). Оценки вероятности масштабных конфликтов разделились: 51% считают их маловероятными, 42% — средне/высоко вероятными, включая 16% («точно будут») (табл. 3). Контраст между низким личным опытом и высоким уровнем тревожности подтверждает расхождение воспринимаемого и реального уровня напряжённости.

Анализ динамики фиксирует рост тревожности (+9 п.п. суммарно по пессимистическим оценкам) при стабильном личном опыте указывает на доминирование медийного и событийного фрейминга (теракт в «Крокусе», 2024; ужесточение риторики) над реальной конфликтностью в восприятии горожан.

Таблица 2
Динамика личного опыта наблюдения межнациональных конфликтов в районе проживания, %

Год	Доводилось за последний год в районе наблюдать межнациональные конфликты (да/нет)
2025	31/68
2024	31/68
2023	23/76
2022	22/77

Таблица 3
Динамика оценки вероятности масштабных конфликтов на национальной/религиозной почве в Москве,%

Год	Точно не будет/ маловероятны	Вполне вероятны	Точно будут	З/О
2025	51	26	16	7
2024	46	35	13	6
2023	55	30	9	6
2022	62	24	8	6

Оценка дискриминации и отношение к иностранным гражданам

Подавляющее большинство москвичей (84%) за последний год не испытывали лично неприязни из-за своей национальности; 15% имели такой опыт (табл. 4). Неприязнь к иностранным гражданам испытывают 20%, не испытывают — 74%. Однако 63% выступают за ограничение въезда (23% — из всех стран, 40% — из некоторых), против — 30% (табл. 5). Контраст между личным опытом и ограничительными настроениями отражает когнитивный диссонанс между отсутствием дискриминации и восприятием миграции как угрозы.

Динамика: рост неприязни к иностранцам (+7 п.п.) и беспрецедентный рост рестрикционизма (+15–24 п.п. суммарно по разным позициям) происходят на фоне стабильного личного опыта дискриминации (10–16%). Это указывает на доминирование символической угрозы над реальным негативным опытом взаимодействия: общественные настроения формируются под влиянием медийного дискурса и резонансных событий, а не ухудшения непосредственных межличностных контактов.

Таблица 4
Динамика оценки дискриминации и отношения к иностранным гражданам, %

Год	Испытывал лично по отношению к себе (да/нет)	Испытывал лично неприязнь к представителям какой-либо национальности (да/нет)	Испытывает неприязнь по отношению к иностранным гражданам, которые приехали жить и работать в Москву (да/нет)
2025	15/84	22/76	20/74
2024	16/84	20/77	20/76
2023	11/89	14/84	12/84
2022	10/90	15/84	13/84

Таблица 5
Динамика мнения москвичей об ограничении въезда иностранных граждан, %

Год	ограничить въезд из ВСЕХ стран	ограничить въезд из НЕКОТОРЫХ стран	Не следует ограничивать въезд	З/О
2025	23	40	30	7
2024	26	42	27	5
2023	14	40	40	6
2022	16	39	38	7

Оценка деятельности городских властей

Дифференциация оценок работы властей по направлениям показывает приоритет «силовых» мер: борьба с экстремизмом (65%) и профилактика конфликтов (50%) получают более высокие оценки, чем интеграционные. Адаптация мигрантов (языковое обучение, правила поведения) — единственное направление с преобладанием критики (45% отрицательных оценок vs 39% положительных), что отражает неудовлетворённый запрос на интеграционную инфраструктуру помимо репрессивных мер (табл. 6).

Динамика: зафиксировано системное снижение удовлетворенности работой властей по всем направлениям национальной политики. Наибольший дефицит доверия фиксируется в сфере адаптации мигрантов (разрыв между положительными и отрицательными оценками минимален, а в 2024 г. негатив даже превышал позитив). Это подтверждает тезис о том, что именно интеграционная повестка (а не силовое сдерживание) является «узким местом» городской политики и требует первоочередного внимания.

Таблица 6
Динамика оценка работы городских властей по отдельным направлениям, %

	Борьба с экстремизмом и терроризмом, профилактика их предпосылок (пол./отриц.)	Предотвращение и профилактика конфликтов на национальной/ религиозной почве (пол./отриц.)	Адаптация мигрантов (пол./отриц.)	Предотвращение и профилактика дискриминации на национальной/ религиозной почве (пол./отриц.)
2025	65/25	50/36	39/45	51/32
2024	62/30	56/33	40/49	56/30
2023	73/16	57/28	44/36	59/25
2022	77/11	61/21	43/36	62/21

Социально-политический анализ: факторы амбивалентности

Парадокс позитивной оценки и запроса на рестрикции

Центральное противоречие московских данных: 74% не испытывают неприязни к мигрантам, но 63% (40%+23%) поддерживают ограничения въезда. Параллельное движение толерантности и рестрикционизма объясняется тремя механизмами:

1. Амбивалентные установки (Lavine, 2001): конкурирующие когниции (позитивный опыт vs медийный фрейм) активируются контекстом.

2. Социальная желательность. Образование и урбанизация стимулируют декларируемую толерантность. Григорьева и Эндрюшко (2021) выявили дискриминацию мигрантов при аренде жилья: внешность и происхождение — ключевые барьеры [26].

3. Личное vs групповое восприятие. Район оценивается позитивнее (65%) Москвы в целом (57%) — эффект относительной депривации. По RUSSET (1995–2023; Воронина), негативные установки преобладают у 66+ лет (↓контакты), низкого доверия; позитивные — у образованных и чувствующих безопасность. При этом прослеживается закономерность: чем меньше доверия к людям, тем негативнее межэтнические установки [27].

Таким образом, парадокс отражает контекстуальную амбивалентность: личная толерантность сосуществует с групповой тревогой и символической угрозой миграции.

Москва как аномалия: нарушение «столичного правила»

Данные ESS демонстрируют повышенную толерантность столиц: Париж +20 п.п. к среднему по Франции, Берлин +11–14 п.п. к немецкому [28]. Москва — исключение: негативные оценки межнациональных отношений (37% по мониторингу, 36% по ВЦИОМ) вдвое выше среднего по России (17%).

Факторы аномалии, требующие учёта: а) концентрация мигрантов: 52% иностранных работников в столичном регионе; б) ресурсная конкуренция (теория Шерифа); в) интенсивное медийное фреймирование миграции как

угрозы; г) «парадокс осведомлённости»: информированность усиливает критицизм.

По индексу принятия мигрантов Gallup Россия набрала 2,60 из 9,0, по MIPEX — 31 из 100 («иммиграция без интеграции») [28].

Событийная волатильность: от «эффекта Крыма» к «эффекту Крокуса»

Согласно волновой модели Э.А. Паина, динамика ксенофобских настроений в Москве 2013–2025 гг. демонстрирует чередование фаз подъёма и спада под влиянием политических, экономических и культурных факторов. Основные циклы: пик этнофобии (2013 г.); спад («эффект Крыма», 2014–2017 гг.); рост (2018 г., удвоение поддержки «Россия для русских» на фоне пенсионной реформы); ралли-эффект (2022–2023 гг., начало СВО, улучшение отношения к чеченцам). [18].

«Эффект Крокуса» (март 2024): теракт в «Крокус Сити Холле» (145 погибших, >550 раненых) резко изменил настроения. По московскому мониторингу: доля негативных оценок межнациональных отношений выросла с 28% (июнь 2023) до 37% (июнь 2025) (табл. 1); поддержка ограничений въезда: с 54% до 63% («все страны» +9 п.п.) (табл. 5); вероятность конфликтов «точно будут»: с 9% до 16% (табл. 3).

Вместе с тем экспертная оценка Re:Russia указывает, что антимигрантская кампания послужила инструментом консервативной мобилизации, компенсирующей провал системы безопасности, а не ответом на массовый общественный запрос.

Законодательная реакция 2024–2025 гг.

Институциональный ответ на обострение миграционной проблематики оказался беспрецедентным по масштабу: Государственная Дума приняла 21 закон по ужесточению миграционного регулирования [5].

Ключевые меры: а) сокращение срока безвизового пребывания с 180 до 90 дней (с 01.01.2025); б) введение «режима высылки» (с 05.02.2025 г.); в) незаконная миграция — особо тяжкое преступление (до 15 лет); г) запрет зачисления в школы детей мигрантов, не владеющих русским языком; д) обязательный «ruID» с биометрией (с 30.06.2025) [5].

На региональном уровне к концу 2024 г. треть регионов ввела секторальные запреты на работу мигрантов, квота на РВП сокращена вдвое [1]. Концепция миграционной политики на 2026–2030 гг. принципиально отказалась от «замещающей миграции», перенеся приоритет на национальную безопасность.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов, значимых для понимания природы межнациональных отношений в московском мегаполисе.

1. Амбивалентность как устойчивый паттерн. Общественное мнение москвичей характеризуется структурной амбивалентностью: высокие показатели межличностной толерантности (74% не испытывают личной неприязни к мигрантам, 84% не сталкивались с дискриминацией по национальному признаку) сочетаются с массовой поддержкой рестриктивных мер (63% выступают за ограничение въезда). Воспроизводя европейскую модель амбивалентности [23], московский случай усилен тремя специфическими факторами: сверхконцентрацией мигрантов (более 52% иностранных работников страны), интенсивностью медийного фрейминга и событийной волатильностью — от «эффекта Крыма» (2014) до трагедии в «Крокус Сити Холле» (2024). Это подтверждает тезис В.И. Мукомеля о том, что ксенофобия не исчезает, но принимает латентные формы, фиксируемые преимущественно в виртуальном пространстве [19].

2. Аномалия московского кейса. Москва демонстрирует отклонение от европейского «столичного правила» толерантности: уровень негативных оценок межнациональных отношений здесь (37%) вдвое превышает среднероссийский (17%). Данная аномалия объясняется комплексом факторов: миграционной нагрузкой, конкурентным характером межгруппового контакта (рынки труда и жилья), дефицитом интеграционной инфраструктуры и медийным контекстом.

3. Ограничения классических теорий и необходимость интегративной модели. Контактная гипотеза Г. Олпорта в московских условиях не работает в своем классическом виде: при высокой концентрации мигрантов скептицизм максимален именно в районах с интенсивным контактом (57% против 65% в зависимости от района). Причина — конкурентный характер взаимодействия, не удовлетворяющий условиям равного статуса и кооперации [9; 10]. Теория реалистического конфликта М. Шерифа объясняет конкуренцию за ресурсы, но недооценивает роль медиатизации [11]. В этой связи эвристически продуктивной представляется интегративная модель, объединяющая: качество контакта (Олпорт), конкуренцию (Шериф), механизмы социальной идентичности (Тэджфел), циклическую динамику (Э.А. Паин) и различение этно-/мигрантофобий (Мукомель). Отсутствие неустранимых препятствий для межнационального единства, на которое указывает Паин [17], реализуется только при изменении институциональных условий контакта.

4. Политико-медийный фрейминг и законодательная динамика. Беспрецедентная законодательная активность 2024–2025 гг. отражает не столько низовой запрос (63% рестрикционизма сосуществуют с 74% личной толерантности), сколько верхнеуровневую стратегию консервативной мобилизации после резонансных событий. Как показала Л.М. Дробижева, российская идентичность формируется и государством, и обществом [13]; именно ее содержательное наполнение определяет потенциал в ослаблении этнического негативизма. Данные о том, что главной «болевой точкой» выступает адаптация мигрантов (45% отрицательных оценок), а не «силовые» направления, фиксируют неудовлетворенный запрос на интеграционную инфраструктуру, что корреспондирует с крайне низким индексом интеграционной политики России (MIPEX = 31/100) [28].

Практическая значимость исследования состоит в том, что эффективная политика гармонизации межнациональных отношений в Москве должна быть направлена на развитие интеграционной инфраструктуры, создание условий для кооперативного (а не конкурентного) межгруппового контакта, укрепление надэтнической гражданской идентичности и повышение медийной грамотности населения. Эти рекомендации согласуются с выводом В.А. Тишкова о том, что признанное разнообразие культур и есть подлинное единство [16], а также с тезисом Паина и С.Ю. Федюнина о том, что гражданская культура развивается не вместо национальных культур, а вместе с ними [17].

Литература

1. Human Rights Watch. Living in Fear and Humiliation: Rising Xenophobic Harassment and Violence Towards Central Asian Migrants in Russia. 2025. URL: https://24-kg.com/english/323152_HRW_releases_report_on_xenophobia_in_Russia_against_migrants_from_Central_Asia__/ (дата обращения: 11.02.2026).

2. В НИУ ВШЭ назвали ниши занятости мигрантов в Москве. URL: https://www.forbes.ru/finansy/528813-v-niu-vse-nazvali-nisi-zanatosti-migrantov-v-moskve (дата обращения: 11.02.2026).

3. Левада-Центр. Уровень ксенофобии и этнической напряжённости. 2024. URL: https://www.levada.ru/2024/05/14/uroven-ksenofobii-i-mezhnatsionalnoj-napryazhennosti-otnoshenie-k-priezzhim/ (дата обращения: 11.02.2026).

4. Левада-Центр. Уровень ксенофобии и межнациональной напряжённости (апрель 2025). URL: https://www.levada.ru/2025/05/16/uroven-ksenofobii-i-mezhnatsionalnoj-napryazhennosti-otnoshenie-k-priezzhim-vozmozhnost-stolknovenij-na-natsionalnoj-pochve-aprel-2025/ (дата обращения: 11.02.2026).

5. Володин: в России создана система противодействия нелегальной миграции. URL: https://tass.ru/obschestvo/24816953 (Дата обращения: 11.02.2026).

6. Walzer M. On Toleration. New Haven: Yale University Press, 1997. URL: https://archive.org/details/ontoleration00walz_0 (дата обращения: 11.02.2026).

7. Habermas J. Struggles for Recognition in the Democratic Constitutional State // Multiculturalism / Ed. by A. Gutmann. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 107–148.

8. Kymlicka W. Multicultural Citizenship. Oxford: Oxford University Press, 1995.

9. Allport G.W. The Nature of Prejudice. Cambridge, MA: Addison-Wesley, 1954.

10. Pettigrew T.F., Tropp L.R. A Meta-Analytic Test of Intergroup Contact Theory // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 90. No. 5. P. 751–783.

11. Sherif M. et al. Intergroup Conflict and Cooperation: The Robbers Cave Experiment. Norman: University of Oklahoma Press, 1961.

12. Tajfel H., Turner J.C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict // The Social Psychology of Intergroup Relations. Monterey: Brooks/Cole, 1979. P. 33–47.

13. Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. №8. С. 37–50.

14. Дробижева Л.М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. №11. С. 80–90.

15. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 650 с.

16. Тишков В.А. Нация наций: о подходах к пониманию России. М.: ИЭА РАН, 2022. 69 с.

17. Паин Э. А., Федюнин С. Ю. Политика интеркультурализма и возможности ее применения в России. – Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 114-134.

18. Паин, Э. А. Динамика ксенофобии в эпоху популизма:опыт макросоциального анализа / Э. А. Паин // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2018. – № 3-4(127). – С. 17-32.

19. Мукомель В.И. Ксенофобы и их антиподы // Мир России. 2017. №1. С. 32–57.

20. Мукомель В.И. Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия // Мир России. 2014. №1. С. 137–166.

21. Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: НЛО, 2014. 227 с.

22. Рябова, М. Э. Развитие представлений об амбивалентности в философии на рубеже XX-XXI веков / М. Э. Рябова // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. – 2014. – Т. 17, № 4. – С. 753-758.

23. Lindstam E., Mader M., Schoen H. Conceptions of National Identity and Ambivalence towards Immigration. British Journal of Political Science. 2019. No. 51. P. 1-22.

24. ВЦИОМ. Межнациональные отношения и проблема иммиграции. 2024.

25. Межнациональные отношения: мониторинг URL: https://fom.ru/TSennosti/11876 (Дата обращения: 11.02.2026).

26. Григорьева К.С., Эндрюшко А.А. Доступ мигрантов к жилью в России // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. №4. С. 29–41.

27. Воронина Н.С. Динамика межэтнических установок россиян // Социологические исследования. 2024. №1. С. 51–62.

28. MIPEX. Migrant Integration Policy Index: Key Findings. URL: https://www.mipex.eu/key-findings (Дата обращения: 11.02.2026)

29. Левада-Центр. Представления о проблемах российского общества (март 2024). URL: https://www.levada.ru/2024/04/09/massovye-predstavleniya-o-problemah-rossijskogo-obshhestva-mart-2024-goda/ (Дата обращения: 11.02.2026).

Social perception of interethnic relations in Moscow: between tolerance and demand for restrictions

Gromova D.A., Laba L.Ya.,
Research Institute of Social Systems Russia

The article examines the structural ambivalence of Moscow residents' public opinion regarding interethnic relations and labor migration. It is demonstrated that Moscow constitutes an anomaly relative to the European 'capital city rule' of tolerance. Particular attention is paid to the impact of the Crocus City Hall terrorist attack (March 2024) on xenophobic attitudes and the unprecedented legislative wave of 2024–2025.

Keywords: interethnic relations, Moscow, tolerance, xenophobia, migration, ambivalent attitudes, contact hypothesis, social identity, migration policy, Crocus City Hall.

References

1. Human Rights Watch. Living in Fear and Humiliation: Rising Xenophobic Harassment and Violence Towards Central Asian Migrants in Russia. 2025. URL: https://24-kg.com/english/323152_HRW_releases_report_on_xenophobia_in_Russia_against_migrants_from_Central_Asia__/ (Accessed: 11.02.2026).
2. HSE University Named Employment Niches for Migrants in Moscow [Electronic resource] // Access: https://www.forbes.ru/finansy/528813-v-niu-vse-nazvali-nisi-zanatosti-migrantov-v-moskve (Accessed: 11.02.2026).
3. Levada Center. Level of xenophobia and ethnic tension. 2024. URL: https://www.levada.ru/2024/05/14/uroven-ksenofobii-i-mezhnatsionalnoj-napryazhennosti-otnoshenie-k-priezzhim/ (Accessed: 11.02.2026).
4. Levada Center. The level of xenophobia and interethnic tension (April 2025). URL: https://www.levada.ru/2025/05/16/uroven-ksenofobii-i-mezhnatsionalnoj-napryazhennosti-otnoshenie-k-priezzhim-vozmozhnost-stolknovenij-na-natsionalnoj-pochve-aprel-2025/ (Accessed: 11.02.2026).
5. Volodin: a system to combat illegal migration has been created in Russia. URL: https://tass.ru/obschestvo/24816953 (Accessed: 11.02.2026).
6. Walzer M. On Toleration. New Haven: Yale University Press, 1997. URL: https://archive.org/details/ontoleration00walz_0 (Access date: 02/11/2026).
7. Habermas J. Struggles for Recognition in the Democratic Constitutional State // Multiculturalism / Ed. by A. Gutmann. Princeton: Princeton University Press, 1994, pp. 107–148.
8. Kymlicka W. Multicultural Citizenship. Oxford: Oxford University Press, 1995.
9. Allport G.W. The Nature of Prejudice. Cambridge, MA: Addison-Wesley, 1954.
10. Pettigrew T.F., Tropp L.R. A Meta-Analytic Test of Intergroup Contact Theory // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 90.No. 5. P. 751–783.
11. Sherif M. et al. Intergroup Conflict and Cooperation: The Robbers Cave Experiment. Norman: University of Oklahoma Press, 1961.
12. Tajfel H., Turner J.C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict // The Social Psychology of Intergroup Relations. Monterey: Brooks/Cole, 1979. P. 33–47.
13. Drobizheva L.M. Russian Identity: The Search for Definition and Dynamics of Spread // Sociological Studies. 2020. No. 8. P. 37–50.
14. Drobizheva L.M. The Potential of Interethnic Harmony: Understanding the Concept and Social Practice in Moscow // Sociological Studies. 2015. No. 11. P. 80–90.
15. Tishkov V.A. The Russian People: History and Meaning of National Identity. Moscow: Nauka, 2013. 650 p.
16. Tishkov, V. A. Nation of Nations: On Approaches to Understanding Russia. Moscow: IEA RAS, 2022. 69 p.
17. Pain, E. A., Fedyunin, S. Yu. The Policy of Interculturalism and the Possibilities of Its Application in Russia. Polis. Political Studies. 2020. No. 1. pp. 114-134. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.09.
18. Pain, E. A. Dynamics of Xenophobia in the Era of Populism: An Experience of Macrosocial Analysis / E. A. Pain // Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions. – 2018. – No. 3-4(127). – P. 17-32.

19. Mukomel V.I. Xenophobes and Their Antipodes // Mir Rossii. 2017. No. 1. P. 32–57.
20. Mukomel V.I. Xenophobia and Migrant-Phobias in the Context of the Culture of Trust // Mir Rossii. 2014. No. 1. P. 137–166.
21. Malakhov V.S. Cultural Differences and Political Boundaries in the Era of Global Migration. Moscow: NLO, 2014. 227 p.
22. Ryabova, M.E. Development of Concepts of Ambivalence in Philosophy at the Turn of the 20th–21st Centuries / M.E. Ryabova // Bulletin of Moscow State Technical University. Transactions of Murmansk State Technical University. – 2014. – Vol. 17, No. 4. – P. 753-758.
23. Lindstam E., Mader M., Schoen H. Conceptions of National Identity and Ambivalence towards Immigration. British Journal of Political Science. 2019. No. 51. P. 1-22.
24. VTsIOM. Interethnic Relations and the Problem of Immigration. 2024.
25. Interethnic Relations: Monitoring. URL: https://fom.ru/TSennosti/11876 (Accessed: 11.02.2026).
26. Grigorieva K.S., Andreushko A.A. Migrants' Access to Housing in Russia // Bulletin of the Institute of Sociology. 2021. Vol. 12. No. 4. Pp. 29–41.
27. Voronina N.S. Dynamics of Interethnic Attitudes of Russians." Sociological Research. 2024. No. 1. Pp. 51–62.
28. MIPEX. Migrant Integration Policy Index: Key Findings. URL: https://www.mipex.eu/key-findings (Accessed: 11.02.2026)
29. Levada Center. Perceptions of the Problems of Russian Society (March 2024). URL: https://www.levada.ru/2024/04/09/massovye-predstavleniya-o-problemah-rossijskogo-obshhestva-mart-2024-goda/ (Accessed: 11.02.2026).